

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Россия: государство и суверенитет *versus* общество и легитимность

Карин Беше-Головки

В статье анализируется причина появления в России «агрессивной концепции» суверенитета государства, формы ее осуществления в российском праве, а также новейшие формы реакции на нее гражданского общества, пытающегося отстоять собственную легитимность не менее агрессивными методами. В результате агрессивная концепция суверенитета государства сталкивается с не менее агрессивной концепцией легитимности гражданского общества, что представляет опасность для нормального развития правовой системы и даже для существования самого института государства как такового.

→ Конституционное право; суверенитет; имплементация решений Европейского Суда по правам человека; легитимность; общество; гражданское общество

Люди настолько привыкли подчиняться другим людям, что для большинства из них свобода является всего лишь правом быть покорными только тем повелителям, которых они избрали.

Мари Жан Антуан де Кондорсе

«Право связывают или с государством, или с обществом, или с индивидуумом; видят его то в общепризнанной воле государственного лидера, то в обезличенном “естественном” законе. Все эти представления о праве в соответствующем контексте в той или иной степени верны и отражают определенные аспекты (моменты) его бытия. Право — явление многообразное, полифоническое, существующее в различных формах и видах. Оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, и лишь меньшая часть гигантского правового “айсберга” находится на виду государства и активно контролируется им, но эта часть является и наиболее важной для нормального существования общества»¹. Добавим от себя, что «видимая» часть права важна еще и потому, что ею определяются отношения между государством и обществом.

Правовая наука, то есть наука, предметом изучения которой является право, носит, в отличие от наук естественных, субъективный характер. Это происходит из-за особенностей

самого предмета изучения: право создано людьми для людей, оно не встречается в природе, являясь результатом творческого субъективного процесса размышления. Говоря более точно, право создано — формально и процессуально — государством, поскольку именно ему принадлежит монополия определения легальности. Но «государство» является абстрактным глобальным понятием, обозначающим разные органы власти и разных людей. Таким образом, и право является всего лишь инструментом в руках определенного круга политических фигур, имеющих определенные взгляды на процесс развития страны. В то же время известно, что право само по себе устанавливает пределы, внутри которых политический план управляющих страной реализуется... или не реализуется. Эффективность политико-правовых решений будет напрямую зависеть от легитимности государственной власти.

Итак, сама эффективность политических решений зависит главным образом от уровня

адекватности правовых норм нуждам и требованиям общества. Иными словами, для того чтобы государственная политика была эффективной, правовые механизмы ее осуществления должны соответствовать реалиям общественной жизни и, более того, декларируемые цели государства должны соответствовать его реальным целям. Следовательно, в процессе принятия политического решения государство обязано учитывать настроения в обществе, чтобы обеспечить легитимность своих решений. Только в таком случае они будут эффективными².

По этой причине государство, обладая монополией на легальность, в идеале не рискует форсировать проведение своих решений в общественное мнение, а, наоборот, старается интегрировать мнение общества в свои решения. Тогда и только тогда государство совмещает в себе и легальность, и легитимность, что обеспечивает действительное осуществление его политики. При этих условиях государству удается полностью реализовать его внутренний суверенитет, то есть наиболее эффективным образом использовать свои юридические полномочия³. Следует помнить также, что в государствах, имеющих демократическую форму правления, суверенитет принадлежит всем гражданам, то есть обществу в целом⁴. Поэтому, когда государство может совмещать в себе и легальность и легитимность, оно полностью реализует с юридической точки зрения свой суверенитет.

В этом смысле современное конституционное право поставило своей целью совместить, выразив через основные понятия — «государство», «легальность», «легитимность», «суверенитет» — два важнейших политических правила: *определение базового принципа легитимности власти и максимально эффективное осуществление решений, рассматриваемых в качестве наиболее легитимных*. В рамках изучения феномена демократического государства — то есть государства, руководствующегося базовым принципом учета воли тех, кому адресованы правовые нормы, — «государство рассматривается как “субъект, которому предоставлена компетенция (*sujet d'imputation*)” и который будет использовать “суверенитет” как для действительной организации демократии, так и для предоставления компетенций высшим органам»⁵. Таким образом, в со-

ответствии с принципом компетенции, к которому и сводится идея суверенитета, государству — и только ему — принадлежит полномочие устанавливать все правовые нормы, которые будут регулировать жизнь общества на территории данного государства. Но для того, чтобы эти правила были эффективными, они должны быть также легитимными, то есть опираться на волю общества. Исключительно такой подход гарантирует государству дальнейшее существование, поскольку с точки зрения нормативной теории права государство определяется как правовая система, имеющая достаточный уровень централизации и в целом эффективная⁶. Действительно, с утратой легитимности государство теряет и эффективность осуществления своих решений, а в этом случае под вопрос ставится эффективность правовой системы в целом, а значит, и само существование государства в юридическом отношении.

С учетом этого можно сказать, что сегодня в России слабость государства может в любой момент превратиться в полное его отсутствие. Уровень коррупции, неэффективность правовых реформ, отсутствие доверия общества к власти (на всех ее уровнях) и к судебной системе, жестокость мер в отношении всех видов политической оппозиции и ее отрицание государственными структурами, а также другие признаки демонстрируют слабость государства и затруднения, возникающие у нынешней власти при управлении страной. Все это отражается уже на эффективности правовой системы в целом. Даже премьер-министр подчеркнул наличие правового нигилизма в России, признав в качестве очевидного факта, что «над законами думают тысячи людей, а над тем, как их обойти, думают миллионы»⁷. Ни одна правовая система не может развиваться в условиях отсутствия доверия со стороны граждан, поскольку в этом случае большинство правовых правил не исполняется совсем или исполняется лишь частично.

Само представление о праве формируется на основании понятий, отражающих разные конкретные жизненные ситуации (брак, договор, проживание и т. п.). Для регулирования этих ситуаций право создает определенные механизмы, позволяющие людям мирно жить рядом и разрешать свои споры, несмотря на возможность противоречий между их

интересами. Однако, если люди не верят в справедливость этих механизмов, они будут сами создавать другие способы регулирования конфликтов, вне «государственного права», отрицая при этом легитимность самого «государственного права» как такового. По мысли Н. Боббио, из легитимности правовых норм вытекает авторитет власти, от которой, в свою очередь, зависит легальность самих этих норм⁸. Поскольку в современной России государственная власть не пользуется доверием общества, это приводит к частичной утрате ею легитимности и, следовательно, вынуждает власть отстаивать свое исключительное право на суверенитет. Таким образом, источник суверенитета государства в действительности больше не зависит от воли его граждан — скорее, от воли самих управляющих страной. На такое положение дел определенная часть общества реагирует отрицанием легитимности государственной власти и оспариванием ее монополии на легитимность. В результате этого конфликта формируются антагонистические монополии на обладание властью.

Государство и монополия на суверенитет

Понятие «*суверенитет*» в конституционно-правовой доктрине носит комплексный характер. Оно отражает некое *качество*⁹, благодаря которому его носитель обладает верховной властью. Это означает, что его власть не исходит от какой-либо другой¹⁰, она — «*первоначальная и верховная юридическая власть*»¹¹. В общепринятой научной классификации выделяются три носителя суверенитета: государство, нация и народ¹². В демократических правовых системах их совместная деятельность направлена на то, чтобы гарантировать участие общества — нации, народа — в процессе руководства страной. Более того, единым понятием «суверенитет» обозначают как внутренний, так и внешний его аспекты, находящиеся во взаимодействии, но не тождественные друг другу¹³. Согласно теории Р. Карре де Мальберга, «внешний суверенитет — не что иное, как выражение в отношении иностранных государств, внутреннего суверенитета любого государства»¹⁴. Здесь можно также использо-

ства) (для обозначения внешнего аспекта суверенитета) и «*суверенитет в государстве*» (для обозначения его внутреннего аспекта). Когда речь идет о суверенитете государства, оно, как институциональный вид власти, решает с помощью соответствующих властных органов все вопросы, касающиеся отношений с другими государствами. Когда же речь идет о суверенитете в государстве, оно уже не может претендовать на монополизацию легальности, поскольку юридически смысл его существования сводится к обеспечению интересов своих граждан, которые также являются носителями суверенитета. С течением времени понятие «суверенитет в государстве» неоднократно меняло значение, приобретая коннотации то обороны, то конструктивного сотрудничества. Таким образом, исторически понятие «суверенитет» появилось в связи с тем, что у государства возникла необходимость проявлять себя в качестве единственного центра власти в той или иной стране в рамках борьбы с феодализмом и построения единого централизованного государственного пространства. В современном мире внутренний суверенитет государства предполагает возможность осуществления им своих правовых полномочий¹⁵. Следовательно (и с учетом критериев демократического государства), внутренний суверенитет государства сводится к монополии на легальность. Естественно, только государственные структуры обладают на основе конституции полномочием как создавать правовые нормы, так и проверять их законность. Такое общее правило позволяет гарантировать стабильность в стране и равенство всех граждан перед законом.

Однако из наличия у государства монополии на легальность не следует автоматически делать вывод о легитимности современного политического режима в России. Понятие «*политический режим*» довольно сложно. Как отмечает П. Пакте, «любой политический режим представляется, прежде всего, результатом игры политических сил, точнее одной или нескольких политических партий, в институциональных рамках, предусмотренных Конституцией»¹⁶. Таким образом, политическая практика придает режиму свои собственные черты. Все институты, предусмотренные Конституцией, могут быть действующими или лишь «декоративными», то есть

служить имитацией. Такого рода деформация конституционной системы обычно возникает, когда одна политическая партия доминирует, или монополизирует политическую жизнь той или иной страны. В последнее время много политических деятелей, принадлежащих как к оппозиции, так и к политическому большинству, отмечали опасность, которую представляет для развития демократических структур в России *фактическая монополизация власти* партией «Единая Россия»¹⁷. Причем, когда критика исходит от представителей разных политических оппозиционных движений, это вполне ожидаемо. Но, когда она исходит изнутри самой партии, о которой идет речь¹⁸, тогда угроза государству более значительна. Действительно, логика доминирующей партии, при отсутствии определенной идеологии, работает до тех пор, пока сама партия дает монолитное представление о себе, иначе ее существование теряет смысл.

Поскольку в России с 2003 года одна партия контролирует все властные структуры — из ее членов формируются и правительство, и парламентское большинство, а также назначаются (избираются) кандидаты на выборах в регионах и городах — она постепенно и незаметно стала «лицом государства», создав, таким образом, иллюзию тождества между ней и государством как правовым институтом. Такая ситуация чревата несколькими опасностями. Прежде всего, в теоретическом отношении *слияние любой политической партии с государством в целом является искажением смысла самого понятия «государство»*, и такого искажения следует избегать. Если государство в онтологическом смысле определяется как юридическая структура, созданная для управления той или иной страной, то практика политической жизни данной страны представляет собой лишь один из многих возможных вариантов политической практики. Поэтому при регулярной смене партии власти все государственные структуры и, следовательно, само государство не могут воплощать лишь один путь политического развития. Однако, когда доминирует одна партия, становится невозможно отличить конкретное политическое содержание деятельности и решений этой партии от функций государства. *В этом случае каждое политическое решение партии становится осуществлением функций государства, а*

каждая функция государства может осуществляться только решением этой партии.

Исходя из этого, и любая оценка управления страной доминирующей партией отражается на оценке самого государства: ошибки доминирующей партии — это ошибки государства. Потеря доминирующей партией доверия граждан оборачивается потерей легитимности государством. Тогда государству не остается ничего другого, как претендовать на монополизацию суверенитета с целью компенсировать этим потерю легитимности и укрепить свой авторитет внутри страны. А именно это, очевидно, и происходит сейчас в России. Можно проиллюстрировать это наблюдение жесткими заявлениями первых лиц государства относительно *исполнения Российской Федерацией решений Европейского Суда по правам человека*¹⁹ (далее — Европейский Суд).

Два аспекта этой «дискуссии» требуют подробного рассмотрения: вопрос о развитии «защитных» правовых механизмов и конфликт между полномочиями Европейского Суда и суверенитетом России. О *необходимости развивать так называемые защитные правовые механизмы* говорится в контексте того, что цели и ценности конституционного строя России не совсем соответствуют целям и ценностям европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). Это могло бы вызывать улыбку, если бы не нарушались так часто (в некоторых областях — почти системно) права граждан России, для многих из которых обращение в Европейский Суд — единственный шанс добиться справедливости. С юридической точки зрения даже теоретически не может идти речи о создании подобных механизмов: для российского государства они были бы не чем иным, как способом уклониться от исполнения своих международных обязательств и, называя вещи своими именами, грубым нарушением (*volens nolens*) как Конвенции, так и самой Конституции РФ. Согласно статье 15 Конституции РФ, российская правовая система носит монистический характер. Это означает, что имплементация международных (в том числе и европейских) правовых норм в национальной правовой системе России не требует принятия специального национального правового акта. Таким

образом, нормы международного права обязательны для исполнения не только законодательной, но также и судебной властью, которая в соответствии с Конституцией РФ обязана применять в конкретных делах все такие нормы, действующие на территории России, в том числе и положения Конвенции и решения Европейского Суда²⁰. И наконец, сама идея о защитных механизмах противоречит целям, для достижения которых был создан Европейский Суд. Как отмечает А. Ковлер, «европейская Конвенция пошла дальше — она создала на основе европейской общности реально действующий наднациональный механизм по контролю за соблюдением провозглашенных единых стандартов прав человека со стороны судебного органа, юрисдикция которого добровольно признается обязательной всеми государствами — участниками Конвенции со всеми вытекающими последствиями», то есть к применению государством-ответчиком мер индивидуального характера добавляется необходимость принять и меры общего характера²¹. Исходя из этого, Европейский Суд не просто имеет полное право принимать решения, в которых требует от государства изменений в национальной правовой системе, — он и создан был именно для того, чтобы правовые системы европейских государств развивались в направлении укрепления демократических ценностей, на деле являющихся европейскими правовыми стандартами.

Что же касается *конфликта между полномочиями Европейского Суда и суверенитетом России*, вопроса просто не должно было возникнуть. В действительности Российская Федерация ратифицировала Конвенцию так же *добровольно*, как и любые другие международные договоры, включая даже Протокол № 14²², направленный на облегчение работы Европейского Суда и улучшение контроля за исполнением государствами-участниками его решений со стороны Комитета министров. Как правило, ратификация любым государством норм международного права рассматривается не как потеря им суверенитета, а как принятие на себя новых обязательств. Каждое из таких государств может свободно пользоваться своими внутренними полномочиями или же подписать договор, по условиям которого откажется от некоторых из них²³. В соответствии с таким представлением о суверенитете, например, действовав-

шая до Второй мировой войны Постоянная палата международного правосудия при Лиге Наций отказалась «видеть в заключении международного договора, по которому государство обязуется выполнить или не выполнить какой-либо акт, отказ этого государства от своего суверенитета. Очевидно, что любой договор, налагающий обязательства такого рода, ограничит исполнение государством своих суверенных полномочий в том смысле, что эти обязательства требуют от государства исполнять их определенным образом. Но право брать на себя международные обязательства является атрибутом суверенного государства» (дело S. S. «Wimbledon» 1923 года)²⁴. Таким образом, Россия не потеряла свой суверенитет, ратифицировав и Конвенцию, и Протоколы к ней, — она лишь воспользовалась своими суверенными внутренними полномочиями, а также взяла на себя обязательства исполнять все решения Европейского Суда по делам, по которым является ответчиком. А это касается и индивидуальных мер, и, в особенности, мер общего характера, требуемых этими решениями. Поэтому Россия действительно предоставила Европейскому Суду право принятия решений, вследствие которых понадобится изменять правовую систему России. Поэтому, Россия нарушает европейскую Конвенцию каждый раз, когда она не принимает эти меры, то есть часто²⁵.

Более того, *спор о коллизии между полномочиями Европейского Суда и суверенитетом России — искусственный*. С онтологической точки зрения, существование любого государства осмысленно, только когда оно действует в интересах своих граждан. Иначе — зачем оно нужно? Конечно, не для того, чтобы позволять некоторым чиновникам преследовать их личные интересы за счет государственных структур, опираясь на якобы общий публичный интерес, который ими же сформулирован. Реальные интересы граждан заключаются в защите их прав, установленных Конституцией РФ и гарантированных ею. Следовательно, если нормы законодательства прямо нарушают Конституцию РФ либо препятствуют ее применению, возникает необходимость изменить правовую систему. Поскольку сама Конституция РФ устанавливает иерархию норм, согласно которой законы и подзаконные акты находятся

на более низком нормативном уровне, чем международные нормы, в том числе европейские, все национальные нормы толкуются с учетом их интерпретации в европейском праве. А если толкование основных прав и свобод, установленное европейским правом, в особенности Европейским Судом, не может быть осуществлено из-за какого-либо национального законодательного акта, необходимо изменить законодательство. Это очевидно с юридической точки зрения. С этической же точки зрения, это обязательство лежит на государстве, потому что и Конституция РФ²⁶, и Конвенция стремятся гарантировать эффективность защиты прав человека при помощи различных правовых механизмов, как должно быть в любой демократической системе: противоречия между ценностями Конституции РФ и Конвенции нет. Таким образом, если национальное законодательство не позволяет достигнуть цели, постановленной Конституцией РФ, на государстве и на всех заинтересованных структурах лежит в том числе и *моральная* обязанность принять все необходимые меры.

В этом смысле возникновение спора об имплементации решений Европейского Суда российскими судами может выглядеть довольно странно, если не учитывать его политическую подоплеку. Естественно, что в связи со значительной утратой государственным структурами легитимности возникла агрессивная концепция суверенитета, прекрасной иллюстрацией которой является этот спор. Здесь речь идет не о внешнем, а о внутреннем суверенитете государства. Как уже было сказано, в демократических политико-правовых системах суверенитет государства и суверенитет общества (нации или народа) действуют одновременно и во взаимосвязи. Такая концепция предусмотрена Конституцией РФ, статья 3 которой очень четко фиксирует как источник суверенитета, так и способы его выражения: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. 3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Иными словами, государство является не ис-

точником суверенитета, а всего лишь его носителем, которому его полномочия делегированы народом, выражающим свою волю либо через государственные структуры, либо непосредственными способами — референдумами и выборами. Наличие этих механизмов делегирования гарантирует легитимность деятельности любого государства. Когда же государство нарушает эти механизмы, оно теряет легитимность своей власти и право использовать полномочия исходя из суверенитета.

Существуют различные способы нарушения государством порядка делегирования ему суверенитета народом. Они касаются либо процесса формирования органов власти, либо процесса выражения обществом своего мнения. Иными словами, когда честность выборов вызывает сомнения — неважно, происходит ли это из-за неравных возможностей регистрации своей кандидатуры для потенциальных кандидатов, из-за отказа какой-либо политической партии в регистрации, из-за обвинения в фальсификации результатов выборов или еще по каким-либо причинам — государство нарушает основной пакт, согласно которому оно является всего лишь инструментом выражения воли своих граждан. То же происходит и в случае, когда законодательная система и административная, судебная и другая практика затрудняют создание независимых общественных организаций или проведение гражданами акций протеста в защиту своих прав, искажают идею профсоюзов и т. п. Делегирование суверенитета не может быть формальным, оно должно опираться на конкретные правовые механизмы, позволяющие гражданам в любой момент выразить свою позицию. Эти механизмы не должны быть фиктивными, иначе государство утратит свою легитимность, и тогда уже невозможно станет ответить на ключевой вопрос об эффективности правовой системы: «Если основные политические решения принимаются без участия народа, как можно говорить о справедливом законодательстве или о принудительной силе любого законодательного акта?»²⁷. Единственный ответ, который возможно на него дать: «Об этом можно говорить лишь ради обоснования легитимности государства». Как известно, никакая политическая система не может опираться лишь на право физического принуждения, а нуждается

ся еще и в поддержке со стороны общества, чтобы авторитет власти был долговременным и прочным. Именно он придает легитимность действиям государства — постольку, поскольку оно действует в интересах своих граждан, неукоснительно соблюдая нормы права, а люди *верят* в справедливость его решений и *принимают* их в качестве парадигмы для собственных действий²⁸.

Так, 12 мая 2009 года в России был принят Федеральный закон № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами»²⁹. Этот закон является удивительным примером попытки власти создать иллюзию своего стремления к совершенствованию, или «модернизации» правовой системы при полном отсутствии реальных результатов. В действительности закон касается исключительно тех партий, у которых есть представители в парламенте, что само по себе исключает реальное существование оппозиционных партий. Более того, и равенство партий, не принадлежащих к оппозиции, выражается только в предоставлении им равного объема времени в эфире для предвыборной агитации. Но закон не учитывает, например, того, что десять минут эфирного времени в девять часов вечера и в два часа ночи — не одно и то же, и эта разница не может не отразиться на эффективности агитации. По этим причинам принятый закон никак не может гарантировать равенство политическим партиям. Таким образом власть создает фиктивные правовые механизмы, которым просто невозможно *верить* — государство нарушает фундамент правового строя, демонстрируя в том числе и свою *неспособность создавать юридические мифы*. Как отмечает Л. Ассье-Андрие, «юридическая фикция является одним из инструментов правового мышления и способствует сокращению пропасти, постоянно возникающей между общественными потребностями и правовым порядком»³⁰. Для того чтобы политико-правовая система была эффективной, необходима вера в нее. А вера создается в том числе с помощью юридических мифов. Ведь и само по себе право — это фикция. В процессе абстракции жизненной реальности оно создается как некое альтернативное пространство, внутри которого все события жизни полу-

чают другие названия и как бы другое существование. Например, решение двух людей жить вместе на юридическом языке называется браком. Ваши слезы, если вы теряете ребенка в автокатастрофе, — моральным ущербом. Иными словами, право реконструирует реальность и на основании этого формулирует правила поведения в обычной жизни. Но ритм обычной жизни не совпадает с ритмом жизни правовой: первая быстро меняется, в ней постоянно возникают новые ситуации, вторая же характеризуется неизменной стабильностью. Для того чтобы право могло эффективно регулировать обычную жизнь, государству приходится создавать ряд юридических мифов, которые позволяют сократить разрыв между этими двумя реальностями. Юридическая фикция³¹ — это мизансцена, посредством которой создается *figura veritas*. Это особенно часто касается семейного права (например, в случае с презумпцией отцовства в отношении ребенка, рожденного в браке³²), но также и права конституционного.

В этом отношении любая демократическая политико-правовая система основывается на воле народа, но перейдем от понятия суверенитета народа к мифу о «парламентском суверенитете»³³. Идея заключается в том, что управление любого государства напрямую народом — нереально. Изначально демократический принцип управления основывался на принципе подобия между народом и правителями, поскольку каждый гражданин полиса в какой-то момент мог оказаться выполняющим политические функции, а затем вновь вернуться к своей обычной жизни. Предполагалось, что демократия эффективна именно потому, что предоставляет каждому возможность сыграть определенную роль в судьбе общества — то есть использовался принцип *омникратии*³⁴. Но подобная схема невозможна для многочисленного общества, в нем ее механизмы могут лишь парализовать работу государственных структур. С течением времени структура общества изменилась, и в связи с введением правового института выборов родился миф о суверенитете народа, который сохранялся за народом, хотя и не все имели возможность непосредственно участвовать в управлении государством, во-первых, потому что человек не получает права гражданина автоматически, во-вторых, пото-

му что не каждый гражданин имеет право участвовать в выборах или референдумах. Но, поскольку всеобщие прямые выборы позволяли создать необходимое впечатление того, что в управлении государством участвует все население, миф сработал, и сейчас никакая демократическая система, даже теоретически, не может существовать без наличия выборов. Это называется *режимом народного представительства*, в рамках которого суверенитет принадлежит именно *представителям народа*, а значит, уже не *народу*. Более того, поскольку механизмы непосредственного волеизъявления, такие как референдум, используются редко, суверенитет принадлежит парламенту — *de facto*, если не *de jure*. Вот почему власть ищет способы контролировать политические партии, чтобы держать парламент под контролем (в том числе и в рамках крайнего централизованного политического пространства — как в России).

Таким образом, политическая система России и само государство реорганизовались вокруг монополии на суверенитет. Но по причине этой реорганизации сформировалась агрессивная концепция государственного суверенитета. Миф действует эффективно, пока он представляется не мифом, а реальностью. А в сегодняшней России миф о демократическом устройстве государства, основанном на честных выборах, вызывает много сомнений в обществе. Уже не важно, были ли выборы на самом деле честными или в какой-то мере фальсифицированными — общество не верит их результатам. Таким образом, миф оказался разрушен, и государству остается лишь идти на ухищрения. Осознав ситуацию, власть могла бы урегулировать ее и без громкого заявления о модернизации политики, просто уступив обществу его естественную роль в управлении государством. Однако это означало бы для правящей партии потерю монополии на власть — и вместо этого ужесточаются меры против так называемой оппозиции. Подобных примеров много, и их перечисление не представляет никакого научного интереса.

С институциональной точки зрения можно иллюстрировать попытки власти усилить контроль за всеми государственными структурами различными законами, принятыми в последнее время. Например, это касается изменения процедуры назначения Председа-

теля Конституционного Суда РФ Федеральным конституционным законом от 2 июня 2009 года № 2-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”»³⁵, который углубляет зависимость Конституционного Суда РФ от Президента РФ. Кроме того, обращает на себя внимание принятие буквально популистской меры в отношении политической оппозиции. Федеральным законом от 4 июня 2010 года № 116-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”»³⁶ на Государственную Думу возложено обязательство по организации минимум раз в году пленарного заседания с участием членов политических партий, не представленных в Государственной Думе. Это не опасно, но и не эффективно и может какое-то время очень красиво выглядеть. Эти примеры обнаруживают отсутствие у власти реального стремления к *нормализации* государственной системы. В отношении же общества в целом ситуация еще сложнее. Есть ощущение, что власть из всех сил старается показать, что общество делится на две части: одна якобы занимается своими делами, не вмешиваясь в политические или экономические дела, а другая не столь «послушна» и хочет выполнять свой долг независимо. Первая часть позволяет демонстрировать Западу, что в России есть гражданское общество и что оно может свободно действовать и даже пользуется поддержкой государства (согласно Федеральному закону от 5 апреля 2010 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»³⁷). Но вторая часть общества мешает этому и факт ее существования следует, по возможности, скрывать. Это, конечно, касается деятельности различных общественных организаций³⁸, журналистов, правозащитников и т. д., ситуация вокруг которых настолько усложнилась, что ряд международных организаций предписывает России взять эти нарушения под контроль³⁹. Но, действительно, как правая рука может разрушать то, что левая делает? Все эти признаки говорят об агрессивности в отношении общества современной российской концепции суверенитета власти, поскольку нынешняя власть монополизировала все политиче-

ское пространство и приватизировала государственные структуры, не давая обществу возможности участвовать в процессе определения пути развития страны. Хотя, как писал С. Ю. Витте, «всякое общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: “Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось”»⁴⁰.

Общество и монополизация легитимности

«Согласно исследованию, проведенному в июне 2010 года Левада-Центром, 71 % респондентов признали, что не чувствуют себя защищенными от возможного произвола со стороны государственных структур (чиновников, милиции, ГИБДД, налоговиков, судов и т. д.), а 61 % опрошенных высказали уверенность, что не смогут отстоять в России свои права, если они будут нарушены»⁴¹ — такие данные означают, что значительная часть населения России уже не верит в способность государства их защищать, отрицая тем самым целесообразность законодательства и судебно-административной практики. Иными словами, *под вопрос ставится легитимность государственной деятельности*, поскольку, повторим, задача государства — создать юридические механизмы обеспечения достойной жизни в обществе *каждому* из его членов. Эта идея закреплена в статьях 2 и 7 Конституции РФ, в соответствии с которыми человек является высшей ценностью и государство обязано защищать его права и свободы, в чем теоретически и заключается смысл государственной политики. А именно этому люди верят сейчас с трудом, вследствие чего общество концентрирует «капитал легитимности» в себе самом. По мысли М. Вебера, легитимность определяется наличием общей конвенции, то есть определенного порядка, утвержденного внутри той или иной человеческой общности, которая будет гарантировать неодобрение всякого отступления от данного порядка⁴². В случае же современной России эта общая конвенция нарушена, и этическая система общественного признания авторитета власти «перевернута»⁴³.

Как пишет С. Авакьян, «конституционный строй России воспринимается нами как кате-

гория общества и государства. Невозможно закрепить устой государства, не затрагивая устоев общества, и наоборот, устои общества в значительной мере являются предпосылкой функционирования государства»⁴⁴. Действительно, *современная конституционная система России опирается на взаимодействие государства, общества и человека*, причем эти три элемента определяют друг через друга. Хотя, если понятия «государство» и «человек» являются, по сути, юридическими (в том смысле, что они имеют юридическое определение), понятие «общество», в сущности, относится скорее к социологии и будет носить юридический характер только в прикладном смысле, поскольку используется юридической наукой. На сегодняшний день в России общество играет в юридическом отношении ту роль, которую в других странах играет нация, поскольку Россия признается не национальным государством (государством-нацией), а многонациональным государством с «многонациональным народом» (ст. 3 Конституции РФ). Однако смешение понятий «нация» и «этническая группа» ослабляет основы российской государственности, поскольку функция нации заключается в том, чтобы «воплощать единство, скрепленное общим идеалом, который включает волю каждого в единую общую волю, включает каждое существо в верховное существо Нации»⁴⁵. Обществу же для того, чтобы поддерживать это единство, необходимо стать единым пространством для всех национальных групп и, таким образом, создавать новое «уравнение»: вместо «народ = нация = государство» — «народ = общество = государство». Общество становится тогда основным субъектом конституционного права, хотя *формально* общество как таковое никакими правами не обладает. В юридической науке субъектом права признается лишь совокупность правовых институтов, управляющих обществом, — так называемое *гражданское общество*. В идеале это — «общество сознательных граждан и активных участников общественных процессов; в нем существует внутреннее единство во имя стратегических социальных и политических целей <...>; предполагается наличие общественных дел и самостоятельных общественных механизмов управления ими; общество не противопоставляется государству, а исходит из потребности

в конструктивном взаимодействии с ним; общество проявляет максимальное внимание к человеку, его личным заботам и проблемам, воспитывает граждан в духе сочетания индивидуальных и общественных интересов»⁴⁶. Но, к сожалению, мы живем не в идеальном мире, в реальности же между государством и обществом (и в особенности — гражданским обществом) нередко возникают конфликты.

Конкретное содержание понятия «гражданское общество» сложно определить. Как правило, здесь имеется в виду совокупность политических партий, профсоюзов и других видов общественных объединений. Можно включить сюда также несколько государственных структур, целью которых является защита прав граждан, — таких, например, как Общественная палата РФ или Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Все вместе они составляют *видимую часть гражданского общества*. Конфликт же между гражданским обществом и государством возникает по двум причинам: во-первых, из-за вмешательства государства в деятельность видимой части гражданского общества, во-вторых, из-за игнорирования им другой части гражданского общества.

Государство имеет возможность вмешиваться в жизнь гражданского общества либо на уровне законодательства, либо на уровне практики. Законодательство определяет правовые основы существования институтов гражданского общества и осуществления их деятельности. Это касается, например, обязательства перерегистрироваться для общественных объединений, установления обязательного количества членов для создания политической партии⁴⁷ или обязательного количества подписей для регистрации кандидата в депутаты⁴⁸ и т.д. То, что государство создало нормативную базу для регулирования деятельности всех институтов гражданского общества, в действительности абсолютно нормально. Но эта система становится фиктивной в случае, когда правовые нормы не позволяют гражданскому обществу развиваться, а на деле позволяя власти избирательно допускать в общественно-политическое пространство только тех, кто получил «одобрение». По словам В. Зорькина, формирование гражданского общества не обходится без участия государства — «однако очень важно,

чтобы влияние государства не выходило за рамки создания правовых условий и стимулов для свободного развития гражданского общества, т.е. не стало бы использованием административного ресурса для манипулирования сознанием и поведением людей»⁴⁹.

В частности, в ходе выборов 13 марта 2011 года⁵⁰ оказалось, что при регистрации кандидатов не были зарегистрированы 0,8 % кандидатов от партии «Единая Россия» и 45 % кандидатов от партии «Яблоко»⁵¹. Более того, по данным ассоциации избирателей «Голос», «почти на каждом пятом избирательном участке отсутствовали данные о доходах кандидатов и около половины участковых избиркомов не изымало открепительные удостоверения при голосовании»⁵². Но глава Центральной избирательной комиссии признал эти выборы честными, и при его участии круглый стол общественного комитета «За честные выборы» отметил «высокую явку избирателей, квалификацию зарегистрированных средств массовой информации, а также хорошую организацию избирательной кампании. Председатель Центральной избирательной комиссии России рассказал об эффективности агитационной кампании, при этом указав на примитивность и малоэффективность черной пропаганды»⁵³. Тем не менее с этими выводами не согласится та часть российского общества, которая считает, что власть украла не только его голос, но и его естественное право на осуществление своего суверенитета. А это уже опасно для государства как такового, потому что здесь главную роль играет уже не рациональный подход и не доказательства, а интуитивное ощущение. Конечно, настроение общества опирается в том числе и на конкретные факты, но не только на них, поскольку с помощью этих фактов оно лишь реконструирует свою собственную истину в процессе освоения политических правил. Процесс познания зачастую связан с интуитивным подходом к реальности. При этом интуиция, хотя она и способна дать процессу познания начальный импульс, становится препятствием, если продолжает влиять на картину изучаемого явления — в нашем случае, политического процесса⁵⁴. Именно при помощи интуиции люди формируют для себя определенную картину политической ситуации. И, поскольку этот феномен, хоть и опирается на реальные фак-

ты, не совсем рационален, власти уже сложно его изменить. Как писал Г. Башляр, «действительность никогда не бывает тем, «о чем мы могли бы подумать», но всегда тем, о чем надо было думать»⁵⁵. В этом случае ни заявления о модернизации, ни политические попытки поверхностного реформирования системы не будут иметь эффекта⁵⁶. Только очень конкретные меры, за которыми последовали бы очень конкретные изменения могли бы подействовать на мнение общества. Только таким образом представляется возможным изменить парадигму общественной оценки современной политической ситуации в России. Люди реагируют на политические и вообще культурные события в рамках своей системы координат, диктующей им определенный взгляд на определенную ситуацию⁵⁷, поэтому ситуация должна прежде всего измениться на деле для того, чтобы, осознав эти перемены, люди постепенно изменяли и свое мнение.

Гражданское общество в принципе обладает *довольно негативным имиджем*, и в какой-то мере конкретная правовая доктрина здесь играет незначительную роль. Например, можно встретить такие рассуждения, как: «Естественно, нельзя утверждать, что современные проблемы порождены только лишь институтом гражданского общества. Однако общий кризис либеральной идеи заставляет усомниться в эффективности политических институтов, основанных на гражданском обществе»⁵⁸. Иными словами, гражданское общество само по себе уже представляет некую угрозу для стабильного развития государства и общества. С другой стороны, в правовой доктрине ведутся рассуждения о «деструктивной роли» политической оппозиции⁵⁹, которая также является частью гражданского общества. Главная функция доктрины действительно заключается в изучении правовых механизмов и институтов. Но ее выводы не могут иметь нейтральный характер, поскольку являются перформативными речевыми актами. Согласно теории речевых актов Дж. Л. Остина⁶⁰, перформативные высказывания делаются в изъяснительном наклонении, но имеют свойство воплощаться в действиях. Язык доктрины носит такой характер хотя бы потому, что является неформальным источником права⁶¹. Правовая доктрина создает научное мнение, которое будет

влиять и на оценку правовых институтов, и на формирование права. Иными словами, лексика, используемая при описании правового института «гражданское общество», допускает и наличие «внесистемных» гражданских институтов. Это, к сожалению, подтверждается исследованиями некоторых социологов, которым понятие «гражданское общество» представляется неопределимым. Вот, например, вывод С. Белановского: «Гражданское общество как понятие появилось еще в СССР. Но термин этот уж очень политкорректный. Я всегда задавал вопрос, а фашисты и криминал — это тоже гражданское общество, националистические группы — тоже гражданское общество? Мой коллега Симон Кордонский, кстати, так прямо и говорил, что криминал — это и есть наше гражданское общество. Этот термин пришел с Запада, где устойчивая демократия, но меня смущает присутствие в этом термине какой-то благонамеренности. Ведь экстремистские группы — это тоже гражданское общество»⁶². Такая позиция позволяет путать гражданскую деятельность, активизм, с экстремизмом. При этом, конечно, критериев отличия активизма от экстремизма не существует, но в целом создается впечатление, что гражданское общество просто самим фактом своего существования представляет какую-то угрозу для любого государства⁶³.

«Внесистемные» гражданские институты, о которых шла речь, находятся *на грани права*, то есть предусмотрены правом, но их деятельность обречена либо по политическим, либо по юридическим причинам. В первую очередь (но не исключительно), это касается оппозиционной политической деятельности, которая по самой своей природе носит протестный характер. К этой категории относятся, например, «теневой парламент», коалиция «Другая Россия», общественные движения «Солидарность», «Стратегия-31» и др.⁶⁴. Хотя существует и ряд других движений, таких как «В защиту Химкинского леса», арт-группа «Война» и т. п. Парадоксально, что «политическая... оппозиция, с одной стороны, является институтом общественного контроля, с другой — в качестве ведущего субъекта правового и политического процессов представляет собой саму эту власть»⁶⁵. Этот парадокс устраняется сам собой в случаях, когда выборы действительно

могут повлечь за собой смену политического курса, а это невозможно в России в настоящий момент. И оппозиционно настроенное гражданское общество не имеет другого пути, чем быть «внесистемным». Если верить словам И. Юргенса, в ближайшее время ситуация не изменится, и в этом повинна не столько власть, сколько российское население — пассивное, не приемлющее демократии и т. д.⁶⁶. Если это действительно так, почему тогда в 2010 году Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации получил на 3 тыс. больше обращений, чем в 2009 году, то есть около 57 тыс. обращений⁶⁷? Почему число обращений в Европейский Суд по правам человека постоянно растет, увеличившись с 9 497 жалоб в 2007 году до 13 666 в 2009⁶⁸ году? Что касается, например, регионов России, в Свердловской области «в 2010 году Уполномоченному по правам человека Свердловской области поступило 5 466 обращений граждан о нарушении их прав и свобод, в 2009 году — 4 971 письменное обращение. В течение года Уполномоченным и работниками его аппарата было принято 4 848 граждан по вопросам защиты их прав, лично Уполномоченным принято 1 437 граждан, это на 223 больше, чем в 2009 году»⁶⁹. Это демонстрирует, во-первых, что люди более чем готовы к жизни в демократическом обществе (когда им предоставляют такую возможность), во-вторых, что нынешняя политическая элита вовсе не готова это признать. Отсюда и возникает конфликт между властью и обществом.

Выход для гражданского общества остается один: поскольку ему, как мы уже видели, не хватает суверенитета, оно настойчиво пытается *монополизировать легитимность*, которой, в свою очередь, не хватает современной российской власти. Никаких серьезных проблем не возникает до тех пор, пока гражданское общество действует в рамках правовых норм. Но в ответ на агрессивную концепцию суверенитета, выстраиваемую государством, часть гражданского общества сама начинает развивать агрессивную концепцию легитимности, откровенно говоря, также неэффективную. С юридической точки зрения, речь идет даже не о массовых акциях протеста, которые прошли, как мы помним, на Манежной площади в Москве в конце 2010 года, но о попытке расширения своих

правовых полномочий в целом. Последним значимым событием здесь является одобренная Президентом РФ инициатива судьи Конституционного Суда РФ в отставке Т. Г. Морщаковой, касающаяся развития идеи так называемой *общественной экспертизы по резонансным судебным делам*. Идея проста: поскольку судебной системе не хватает доверия населения, общество, пока в неопределенном правовом формате, создает некую экспертизу по делам, имеющим особое общественное значение, что в качестве «обратной волны» теоретически должно создать своего рода процедуру легитимизации всех судебных решений и тем самым легитимизации судебной системы в целом. Действительно, этот механизм выглядит очень заманчиво. Общество — в том числе и гражданское общество — получит, наконец, возможность независимым путем влиять на юридическое пространство. Но тогда возникают другие вопросы, касающиеся работы данного механизма. Как справедливо подчеркивают в своих комментариях эксперты, «подобный контроль со стороны общества может существовать исключительно вне установленного процессуального контекста — его при всем желании нельзя вписать в существующую процессуальную систему с ее инстанциями, звеньями, способами обжалования и т. д., иначе мы сломаем не только судебную, но и всю правовую систему страны, подменив ее каким-то непонятным суррогатом»⁷⁰. Для того чтобы определить все проблемы, поставленные перед юристами этой инициативой, необходимо прежде всего разделить вопросы о методе потенциального осуществления этого механизма и о его цели.

Общественная экспертиза по судебным делам может быть исключительно *внеюридической* и *внепроцессуальной*. Если какой-либо механизм носит юридический характер, это означает, что он определен правовыми нормами и имеет юридические последствия. Урегулирование порядка проведения общественной экспертизы правовыми нормами само по себе не вызвало бы особых технических проблем, но, поскольку в такой ситуации общественная экспертиза как правовой механизм автоматически будет иметь юридические последствия (то есть выводы экспертов станут обязательными в юридическом плане и в обязательном порядке вызовут юридиче-

скую реакцию), это разрушит правовую систему. Во-первых, опасность исходит от противоречия между природой общественной экспертизы и природой правовых механизмов. В рамках процессуального права институт независимых экспертов (*amicus curiae*) уже существует — их заключения нередко рассматриваются обычными судами, их приглашают в Конституционный Суд РФ и т.д. Таким образом, либо общественная экспертиза как таковая никаких новых результатов не даст — и окажется не более чем пиар-акцией — либо она, с точки зрения юридической логики, вступит в конфликт с правовым институтом экспертов. Кроме того, если общественная экспертиза становится правовым механизмом, необходимо обеспечить все правовые гарантии в рамках правосудия и гарантировать действие в отношении нее, например, принципов равенства, независимости и т.д. Тогда будет необходимо определить объективное значение такого понятия как «резонансное дело» для того, чтобы экспертиза не использовалась выборочно и не включала в себя элементов «случайности». Но юридически определить понятие «резонансное дело» просто-напросто невозможно. Без этого общественная экспертиза может, конечно, положительно повлиять на несколько судебных решений, но несет в себе возможность нанесения ущерба всей правовой системе государства в целом. По этим причинам общественная экспертиза и не должна носить юридический характер.

Что же касается *целей общественной экспертизы*, то она прежде всего направлена на укрепление независимости правосудия путем повышения доверия к нему со стороны населения. В этом смысле происхождение идеи создания общественной экспертизы очевидно: общество по своей природе независимо от государства и от власти, поэтому может показаться, что «имплементация» общественного механизма в систему правосудия позволит укрепить ее независимость. Но в праве, как и в медицине, органы должны быть совместимы, чтобы пересадка удалась. Экспертиза, проведенная обществом, является элементом, чуждым судебной системе. Укрепление независимости суда должно исходить исключительно изнутри. В этом смысле использование такого рода экспертизы может даже помешать достижению постав-

ленной цели, поскольку в рамках анализа судебной практики и судебного материала общественная экспертиза будет только подчеркивать дефекты соответствующего решения, что отнюдь не повысит доверие людей к судебной системе в целом.

Но сам факт наличия такой инициативы демонстрирует стремление и старание общества использовать собственный «капитал легитимности» для того, чтобы вернуть свой суверенитет, то есть приобрести правовые полномочия, позволяющие влиять на курс развития страны. Но при этом развитие псевдоправовых общественных механизмов вне юридической системы с целью напрямую изменить саму систему представляется очень опасным, поскольку ставит право вне государственной системы, а двойственность правовых систем — общественной и государственной — разрушает со временем саму идею права как таковую.

Поэтому понятно, что развитие агрессивной концепции суверенитета со стороны государства и агрессивной концепции легитимности — со стороны общества заводят и страну в целом, и ее правовую систему в тупик. Современный мировой демократический кризис приобретает в России особое значение из-за ослабления ее государственных структур под влиянием политической монополии одной партии и слияния государства с этой же партией. В России, как и повсюду в мире, государство больше не в состоянии оправдать все ожидания общества, и только наличие эффективной избирательной системы позволяет гарантировать долгую жизнь главному мифу наших обществ о том, что каждому гражданину принадлежит право влиять на политический курс своей страны. Как подчеркивает Г. Эрме, «демократии требуется без конца подпитываться общественными ожиданиями и нуждами, которые она провоцирует, имея довольно мало возможностей их удовлетворить. Все-таки в конечном итоге ее логика намеренно обманчива. Демократия сосет соки из явно выраженных или подразумеваемых обещаний, которые ей постоянно надо повторять, причем без малейших шансов когда-нибудь выполнить удовлетворительным образом их все»⁷¹. В рамках демократических систем конфликты между государством и обществом неизбежны, поскольку демократия позиционирует себя как оконча-

тельную совокупность ценностей, а не как постоянный процесс взаимосвязанного развития государства и общества. Именно поэтому в нынешних условиях в России неконструктивна и опасна как позиция представляющей государство власти, так и представляющего общество так называемого «гражданского общества». Задачей государства является прежде всего восстановление его собственной легитимности, для чего ему необходимо вернуть обществу принадлежащий ему по праву суверенитет, реабилитировав тем самым и «гражданское общество». Только тогда будет возможно говорить не о какой-то абстрактной модернизации общества или власти, а просто о *нормализации*.

Карин Беше-Головко — доктор публичного права (Франция).

kabegol@yahoo.com

- ¹ Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 270.
- ² См., например: *Марченко М. Н.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Проспект, 2004. С. 339 и далее.
- ³ Подробнее о теоретических отношениях между понятиями «легальность», «легитимность» и «эффективность» см.: *Ost F., Van de Kerchove M.* De la pyramide au réseau. Pour une théorie dialectique du droit. Bruxelles: Publications des facultés universitaires Saint-Louis, 2002. P. 352 и далее.
- ⁴ См.: *Vedel G.* Manuel élémentaire de droit constitutionnel. Réédition (1ère édition 1949). Paris: Dalloz, 2002. P. 27, 103—108.
- ⁵ Droit constitutionnel / Sous la dir. de L. Favoreu. 5e éd. Paris: Dalloz, 2002. P. 39.
- ⁶ См. также: *Ibid.* P. 40—42; *Kelsen H.* Théorie pure du droit / Trad. par H. Thénénaz. 2e éd. Neuchâtel: La Baconnière, 1988. P. 162—163.
- ⁷ <http://www.pravo.ru/news/view/49008/>.
- ⁸ См.: *Bobbio N.* Sur le principe de légitimité // *Annales de philosophie politique*. N° 7: L'idée de légitimité. Paris: Presses Universitaires de France, 1967. P. 47.
- ⁹ См., например: «Суверенитет — <...> качество власти, означающее в самом общем виде, что над данной властью отсутствует к.-л. другая власть» // Конституционное право: словарь / Отв. ред. В. В. Маклаков. М.: Юрист, 2001. С. 482.
- ¹⁰ См.: *Carré de Malberg R.* Contribution à la théorie générale de l'Etat: Spécialement d'après les données fournies par le Droit constitutionnel français. Paris: Sirey, 1920 (réédition, 1962). P. 70.
- ¹¹ *Laferrière J.* Цит. по: *Vedel G.* Manuel élémentaire de droit constitutionnel. Paris: Sirey, 1949 (réédition: Paris: Dalloz, 2002). P. 103.
- ¹² Определения этих понятий см.: Конституционное право: Словарь / Отв. ред. В. В. Маклаков.
- ¹³ Подробнее об этом см.: *Bechet-Golovko K.* Qu'en est-il du concept de «souveraineté»? A l'occasion de la décision du Conseil constitutionnel sur le Traité de Lisbonne // *Politeia*. No. 13. Printemps 2008. P. 80—82.
- ¹⁴ *Carré de Malberg R.* Op. cit. P. 71.
- ¹⁵ См.: *Vedel G.* Op. cit. P. 103—106.
- ¹⁶ *Pactet P.* Institutions politiques: Droit constitutionnel. 22e éd. Paris: Armand Colin, 2003. P. 141.
- ¹⁷ О перспективах доминирующей в России партии см.: *Гельман В.* Перспективы доминирующей партии в России // Полит.ру. 2006. 9 октября (<http://www.polit.ru/research/2006/10/09/gelman.html>).
- ¹⁸ См.: Сурков раскритиковал площадные реформы и принцип «доминирующей партии» в модернизации // GZT.ru. 2010. 30 сентября (<http://www.gzt.ru/topnews/politics/-surkov-raskritikoval-ploschadnye-reformy-i-/327433.html?from=linksfromsingle>); *Михайлов А.* Экономика в тумане // Газета.ру. 2011. 21 февраля (<http://www.gazeta.ru/column/mikhailov/3532053.shtml>).
- ¹⁹ См.: *Зорькин В.* Предел уступчивости // Российская газета. Федеральный выпуск. № 5325 (246). 2010. 29 октября (<http://www.rg.ru/2010/10/29/zorkin.html>); *Слепцов И.* Россия не будет делать односторонних шагов для «защиты» от решений ЕСПЧ // Право.ру. 2010. 12 декабря (<http://www.pravo.ru/review/view/44371/>).
- ²⁰ Подробнее об этом см.: *Бурков А.* Конвенция о защите прав человека и основных свобод и практика Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4 (71). С. 121—135.
- ²¹ См.: *Ковлер А.* К 50-летию Европейского Суда по правам человека: Введение // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4 (71). С. 45.

- ²² См.: *Бауринг Б.* Российская Федерация, Протокол № 14 (и 14-бис) и борьба за душу европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4 (71). С. 136–151.
- ²³ См.: *Bechet-Golovko K.* Op. cit. P. 81.
- ²⁴ Цит. по: *Schwarzenberger G.* La souveraineté nationale. Idéologie et réalité // Politique étrangère. 1949. Vol. 14. N° 2. P. 127–138, 130.
- ²⁵ См.: 28 % жалоб в Страсбургский суд поступает от россиян // Право.ru. 2011. 22 февраля (<http://www.pravo.ru/interpravo/news/view/48882/>).
- ²⁶ См. статью 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (курсив мой. — К.Б.-Г.).
- ²⁷ *Luhman N.* La légitimation par la procédure. Paris: Cerf, 2001. P. 20.
- ²⁸ Подробнее об этом см.: Ibid. P. 19–29.
- ²⁹ Российская газета. № 87. 2009. 15 мая.
- ³⁰ *Assier-Andrieu L.* Le droit dans les sociétés humaines. Paris: Nathan, 1996. P. 56.
- ³¹ Подробнее о юридических фикциях см.: Ibid. P. 56–59.
- ³² См., например: *Legendre P.* L'Inestimable Objet de la transmission. Essai sur le principe de généalogie en Occident. Leçon IV. Paris: Fayard, 1985. P. 159.
- ³³ См.: *Hermet G.* La démocratie. Paris: Flammarion, 1997. P. 22.
- ³⁴ «Омникратия» означает непосредственную власть народа в целом, уничтожающую разницу между правительствами и управляемыми.
- ³⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 23. Ст. 2754.
- ³⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 23. Ст. 2798.
- ³⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 15. Ст. 1736.
- ³⁸ Анализ нового проекта закона, изменяющего порядок регулирования деятельности некоммерческих организаций с 2013 года, см.: *Хамраев В.* Гражданское общество переписывают в кодекс // Коммерсантъ. № 36(4577). 2011. 2 марта (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1594164&NodesID=2>).
- ³⁹ О законодательной деятельности и практике государственных органов в отношении общества подробнее см.: *Bechet-Golovko K.* Chronique politico-constitutionnelle sur la Fédération de Russie // Est Europa. 2011. N° 1. P. 265–329. (http://www.est-europa.univ-pau.fr/images/archives/2011/2011-1-CEI/karine-bechet_chronique-russie.pdf).
- ⁴⁰ См.: *Харичев И.* Есть ли в России гражданское общество? // Ежедневный журнал. 2011. 3 марта (<http://ej.ru/?a=note&id=10849>).
- ⁴¹ См.: Там же.
- ⁴² См.: *Weber M.* Economie et société. T. 1: Les catégories de la sociologie. Paris: Plon, 1995. P. 68–69.
- ⁴³ См.: <http://navalny.livejournal.com/#post-navalny-563859>.
- ⁴⁴ *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Т. 1. М.: Юристъ, 2005. С. 438.
- ⁴⁵ Les Mots du pouvoir: Précis de vocabulaire / Sous la dir. de F. Busnel. Paris: Vinci, 1995. P. 45.
- ⁴⁶ *Авакьян С.А.* Указ. соч. С. 441.
- ⁴⁷ См.: Федеральный закон от 28 апреля 2009 года № 75-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях” в связи с поэтапным снижением минимальной численности членов политических партий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 18 (ч. 1). Ст. 2155.
- ⁴⁸ См.: Федеральный закон от 3 июня 2009 года № 108-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с сокращением количества подписей избирателей в поддержку выдвижения федеральных списков кандидатов на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и уточнением оснований для регистрации кандидатов, списков кандидатов на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 23. Ст. 2763.
- ⁴⁹ *Зорькин В.Д.* Освободительные реформы и правовая модернизация России // Юридическая газета. 2011. 3 марта (<http://www.yur-gazeta.ru/article.php?n=85>).
- ⁵⁰ Поскольку здесь, по очевидным причинам, невозможно рассмотреть в деталях все аспекты вопроса о выборах, можно обратиться к двум решениям Верховного Суда РФ по делам о нарушении избирательных прав: к определению Верховного Суда РФ от 11 сентября 2008 года № КАС 08-459 (по поводу СПС) и определению Верховного Суда РФ от 8 октября 2008 года № КАС08-478 (по поводу КПРФ). В этих определениях Верховный Суд РФ обнаруживает весьма формальное отношение к фактам нарушения избирательных прав политических пар-

- тий. Надеемся, что проект постановления Пленума Верховного Суда РФ, рассмотренный 10 марта 2011 года, позволит изменить по существу механизм судебной защиты этих прав.
- ⁵¹ См.: Завтра в 74 регионах России выборы. А пока — день тишины // Особая буква. 2011. 12 марта (<http://www.specletter.com/news/2011-03-12/23315.html>).
- ⁵² Итоги выборов: нарушений больше обычного, но все они мелкие // Особая буква. 2011. 16 марта (<http://www.specletter.com/news/2011-03-16/23610.html>).
- ⁵³ <http://www.cikrf.ru/news/cec/2011/03/15/churov.html>.
- ⁵⁴ См.: *Bachelard G. Essai sur la connaissance approfondie*. Paris: Vrin, 1987. P. 171.
- ⁵⁵ *Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique*. Paris: Vrin, 2004. P. 15.
- ⁵⁶ О неэффективности политических мер и, в особенности, о неисполнении государством своих обязанностей по защите права человека на жилище или политических свобод см.: *Бочарова С. Уполномоченный осудил суд* // Газета.Ру. 2011. 17 марта (http://www.gazeta.ru/politics/2011/03/17_a_3557881.shtml).
- ⁵⁷ См.: *Lévi-Strauss C. Race et histoire*. Paris: Folio essais, 1987. P. 44.
- ⁵⁸ *Скиндерев Р. Проблемы формирования гражданского общества в современной России* // Тобол: Литературно-публицистический альманах. 2007. № 1 (15). С. 6–9 (<http://www.tobolport.ru/publicism/19-skinderrev>).
- ⁵⁹ Анализ этого феномена см. в работе: *Васильева С. В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции*. М.: Институт права и публичной политики, 2010. С. 66–78.
- ⁶⁰ См.: *Остин Дж. Л. Слово как действие* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов: Сборник / Общ. ред. Б. Ю. Горю-децкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129. См. также: *Серль Дж. Р. Что такое речевой акт?* // Там же. С. 151–169.
- ⁶¹ См.: *Jestaz Ph., Jamin Ch. La doctrine*. Paris: Dalloz, 2004. P. 5.
- ⁶² См.: Сергей Белановский. «Надоело быть быдлом» — опасная фраза / Беседовала С. Романова // Slon.ru. 2011. 2 марта (http://slon.ru/articles/539503/?sphrase_id=271201).
- ⁶³ О юридических последствиях см., например: Определение Верховного Суда РФ от 27 июля 2010 года № 21-Г10-2, дело по заявлению прокурора Кабардино-Балкарской Республики о ликвидации зарегистрированного общественного объединения — Кабардино-Балкарской общественной организации «Совет старейшин балкарского народа КБР».
- ⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Васильева С. В. Указ. соч.* С. 70–72.
- ⁶⁵ *Васильева С. В. Указ. соч.* С. 77.
- ⁶⁶ См.: «Единая Россия»: Доклад ИНСОРа — провокация // Грани.Ру. 16 марта (<http://www.grani.ru/Politics/Russia/Parties/m.187039.html>).
- ⁶⁷ См.: *Бочарова С. Указ. соч.*
- ⁶⁸ См.: Годовой отчет Европейского Суда по правам человека за 2009 год (http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/C25277F5-BCAE-4401-BC9B-F58D015E4D54/0/Annual_Report_2009_versionProv.pdf).
- ⁶⁹ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека Свердловской области в 2010 году «Человек в эпоху модернизации» (<http://ombudsman.midural.ru/files/4d5dfb6798f1g.doc>).
- ⁷⁰ См. комментарий Л. В. Головки: Экспертная оценка судебных актов: право или политика? // Закон. 2011. № 3. С. 17–24, 22.
- ⁷¹ *Hermet G. Op. cit.* P. 74.